

— Здравствуйте.

Сюй Лэюань открыл дверь. Сюй Лэтао, вцепившись в его одежду, пряталась у него за спиной.

Лэн Цзиньци и Чэнь Цзинь предъявили удостоверения.

— Я Лэн Цзиньци из Отдела по расследованию тяжких преступлений, это Чэнь Цзинь. Мы связывались с вами вчера.

Сюй Лэюань кивнул и пригласил их войти.

— Если Лэтао может чем-то помочь следствию, не стесняйтесь спрашивать, — он потрепал сестру по голове. — Я пойду заварю чаю, а ты отвечай на вопросы офицеров.

Сюй все были высокого роста. Если бы не знание того, что Лэтао учится в Академии художеств, по её стати можно было принять за балерину. Впрочем, в северных краях девушки выше ста семидесяти сантиметров — обычное дело, так что Лэн Цзиньци не удивился, лишь машинально, с долей иронии, прикинул рост Ли Шаня.

Они расположились на диване. Квартира казалась пустой: кроме брата и сестры здесь никто не жил. Видно было, что Сюй Лэюань души не чает в сестре: стены были увешаны её фотографиями с самого детства, полки заставлены грамотами, а на тумбе под телевизором красовалась целая коллекция кукол.

На этот раз Лэн Цзиньци молчал, предоставив Чэнь Цзиню включить диктофон и начать допрос.

— Какие у вас отношения с Лэй Бэй и Чу Мо?

Сюй Лэтао покачала головой:

— Никакие. Лэй Бэй с самого начала учебы ко мне придиралась, а Чу Мо... вечно таскалась у неё на привязи. Разумеется, я не могла с ней общаться, поэтому часто уезжала жить к брату.

— Почему вы не ладили с Лэй Бэй?

— Мы соперничали за стипендию, за место в магистратуре... — Сюй Лэтао говорила прямо, ничуть не смущаясь. — Вот и не ладили. А если вы спрашиваете о каком-то конкретном конфликте... его не было. Просто взаимная неприязнь.

— Соперничество среди студентов — это нормально, — Сюй Лэюань поставил чай на столик. — Лэтао с детства привыкла бороться за лидерство.

— Брат! — Лэтао недовольно зыркнула на него. — Я участвую в честной конкуренции! В отличие от Лэй Бэй!

— В чем именно заключалась её нечестность?

Лэтао взглянула на брата, словно спрашивая разрешения. Сюй Лэюань, прекрасно понимая её

обиду, сел рядом и пояснил:

— Все работы и конкурсные проекты Лэй Бэй выполняла та самая девушка, Чу Мо. Лэтао пыталась подать жалобу, но Чу Мо в один голос твердила, что ничего подобного не было.

— Она была должна Лэй Бэй кучу денег, вот и боялась признаться, — добавила Лэтао.

Лэн Цзиньци поднял взгляд:

— Вы хотите сказать, что все работы Лэй Бэй были выполнены Чу Мо?

— Конечно! Об этом многие знают. По правде, я сомневаюсь, что Лэй Бэй вообще способна отличить свои работы от чужих, — возмущенно ответила девушка.

Вот оно что. Теперь понятно, почему в тот день Чу Мо внезапно осеклась на полуслове. Она испугалась, что полиция узнает о её роли в создании скульптур, и подозрение в сокрытии трупа падет на неё. Но почему Лэй Бэй сама не воспользовалась этим шансом? Если бы она призналась, что не является автором скульптуры, подозрения могли бы ослабнуть. Разве оправдание в убийстве не важнее, чем авторские права на работу?

Однако тот отпечаток пальца на скульптуре...

Лэн Цзиньци нахмурился, размышляя, и скользнул взглядом по ногтям Сюй Лэтао — они, как и у Чу Мо, были безупречно чистыми.

— Две недели назад, в субботу и воскресенье, где вы были?

— Две недели назад? — Лэтао растерялась. — В смысле?

— В те выходные.

— Я была у брата. Он может подтвердить.

— Да, Лэтао каждые выходные проводит дома, — кивнул Сюй Лэюань.

— Что произошло в тот день во внутреннем зале? — продолжил допрос Лэн Цзиньци.

События были свежи в памяти, и Лэтао ответила почти сразу:

— Когда брат и Ли Шань вышли из зала, мы с Лэй Бэй остались готовить выставку. То место в центре было выделено мне преподавателем за отличную работу на семестре, но Лэй Бэй во что бы то ни стало хотела поставить там свою скульптуру. Мы поспорили... но я её не толкала! Клянусь! Она сама наткнулась на ту скульптуру!

Девушка заволновалась, боясь, что ей не поверят. Сюй Лэюань успокаивающе похлопал её по спине:

— Полиция во всем разберется. Если ты этого не делала, тебя не обвинят. Кстати, офицер, как продвигается дело? — он улыбнулся, глядя на Лэн Цзиньци.

Лэн Цзиньци знал, что этот человек — близкий друг Ли Шаня, но почему-то испытывал к нему неприязнь.

— Простите, разглашать информацию нельзя.

— Я просто спросил. Вчера хотел погулять с Ли Шанем по городу, но он сказал, что занят с вами, — Сюй Лэюань продолжал улыбаться. — Вашему отделу действительно нужно, чтобы гражданские лица всюду следовали за вами?

Его явно раздражало, что Лэн Цзиньци отнимает время у Ли Шаня. Чэнь Цзинь, не поняв скрытого смысла, удивленно посмотрел на своего капитана. Лэн Цзиньци жестом велел ему выключить диктофон.

— Вы давно дружите с Ли Шанем?

— Мы учились вместе в университете, знакомы... почти десять лет.

— Как познакомились? — тон Лэн Цзиньци стал похож на допрос преступника, что немало удивило Сюй Лэюаня. Чэнь Цзинь же окончательно запутался: что за важная персона этот Ли Шань, раз его капитан так им интересуется?

— Обоим нравились стендап-шоу, — честно ответил Сюй Лэюань. — Слово за слово, так и сдружились.

— Хорошо, — Лэн Цзиньци поднялся, посмотрел на брата и сестру. — Если понадобится, мы свяжемся с вами снова.

Когда они ушли, Сюй Лэюань начал убирать чашки.

— В следующий раз, когда поедешь в университет, не забудь ключи. Не заставляй меня снова мчаться из Пекина, чтобы передать их тебе!

— Знаю-знаю, братик! — кокетливо отозвалась Лэтао. — Я же знаю, что мой дорогой брат не оставит меня на пороге.

— Ну и растяпа же ты! — хотя голос Сюй Лэюаня звучал строго, в нем сквозила безграничная нежность.

— Бе-бе-бе! — Лэтао вприпрыжку скрылась в своей комнате.

Как только дверь закрылась, улыбка сползла с лица Сюй Лэюаня. Визит Лэн Цзиньци означал лишь одно: он начал подозревать Лэтао.

Ли Шань ответил на звонок почти сразу. Сюй Лэюань вкратце описал ситуацию.

— Он просто уточнял детали, — Ли Шань был в курсе визита. — Если бы Лэтао действительно считали подозреваемой, она уже давала бы показания в участке.

— Вот как... — пробормотал Сюй Лэюань и добавил: — Ли Шань, Лэтао выросла у меня на

глазах, я верю ей.

— Я верю тебе, — помолчав, ответил Ли Шань.

Ресторан Чжуцзянь.

Ли Шань пришел заранее, заказал любимые блюда У Ляньшаня и сел ждать. Дядя У сказал, что будут вдвоем, но Ли Шань не знал вкусов третьего гостя, поэтому выбрал что-то нейтральное.

В половине шестого У Ляньшань вошел в кабинет. Ли Шань редко бывал в Пекине — аспирантура отнимала все время, и с тех пор, как он поступил в университет, видаться со старшими удавалось редко. Дядя У выглядел постаревшим, но Ли Шань решил промолчать об этом.

— Сяо Шань! — У Ляньшань крепко обнял его. — Ты совсем не вырос! А твой брат сейчас стал здоровым, как бык, правда, неряшлив до ужаса — вылитый Ли Юэчуань в молодости. Ему двадцать с небольшим, а все принимают за тридцатилетнего! Ха-ха-ха!

— Сяо Хэ всегда был таким, — рассмеялся Ли Шань, представив брата. — Он ведь скоро заканчивает Академию общественной безопасности?

— В июне следующего года. Раз он под моим началом, не переживай. Да и твой отец в добром здравии, — У Ляньшань сел во главе стола и завел привычный разговор о жизни.

— Мама говорила, отец упал и повредил ногу? Он же вроде больше не работает в поле, как так... — в голосе Ли Шаня прозвучала тревога.

У Ляньшань расхохотался:

— Да он просто в ванной поскользнулся.

— Пф-ф! — Ли Шань не сдержался, а дядя У никак не мог остановиться. — Только не говори ему, что это я разболтал, а то старик Ли со мной не заговорит.

— Обещаю. Дядя У, а как у вас дела?

— По-старому. Вот дождется твой брат выпуска и перейдет ко мне... Хотя, я вот думаю... может, лучше отдать его к Лэн Цзиньци? — У Ляньшань нахмурился, размышляя. — Лэн Цзиньци — младший сын дяди Цзинь Суя, ты ведь его знаешь.

Не просто знал — они были соседями. Но Ли Шань услышал имя Лэн Цзиньци задолго до того, как узнал, что тот стал полицейским. В студенческие годы Ли Шань был образцовым парнем: учеба, дом, спорт, узкий круг общения. Лишь переехав в город S, он услышал слухи о Лэн Цзиньци: якобы тот не вылезает из ночных клубов и окружен толпами поклонниц. Клеймо плейбоя прилипло к нему намертво.

До Ли Шаня доходили и разговоры о прозвище Дикая Роза Пекина. Это прозвище, в отличие от плейбоя, касалось лишь его внешности. Сопоставив услышанное с недавним общением, Ли Шань не мог решить, какое впечатление на него произвел Лэн Цзиньци.

— Кое-что слышал, — лаконично ответил Ли Шань.

У Ляньшань не заметил подвоха. Он очень любил Лэн Цзиньци, который, несмотря на взбалмошный характер в академии, никогда не переходил черту. Он наблюдал за тем, как Лэн Цзиньци рос и менялся, все это время.

<http://bllate.org/book/20042/1979747>